

КОЛЬЦО ТЬМЫ

ЭЛЬФИЙСКИЙ КЛИНОК

ЧЕРНОЕ КОПЬЕ

АДАМАНТ ХЕННЫ

Сноп огня в кулаке эта жизнь нажила,
Возжелавшая боли и брани,
И горят вдалеке полевые костры,
И остры алмазны грани.

Часть первая

1732 ГОД. НАЧАЛО ЛЕТА

ПРОЛОГ

Всласть натешившись, волны швырнули на береговой песок бесчувственное человеческое тело. Слугам Ульмо быстро наскучила скверная игрушка, бросившая даже и бороться за жизнь. Пока она билась, дёргалась, извивалась, отчаянно пытаясь вырваться из зеленоватой пучины наверх, к живительному свету и аэру, — они с удовольствием забавлялись ею, опрокидывая в последний момент, когда несчастному уже казалось, что он вот-вот сможет глотнуть воздуха. Волны внезапно и коварно обрушивались с разных сторон, загоня тонущего в глубину, погребая его под своими прозрачно-голубыми телами. Он избавился от тянущей ко дну одежды и сапог, но всё напрасно. Его неумолимо затягивало всё глубже.

Тонущий сопротивлялся до последнего. Однако с каждым мигом силы таяли, и вот наконец руки бессильно повисли, голова запрокинулась — человек оказался в полной власти бессердечных волн. Они забавлялись с утопленником ещё некоторое время, но, видя, что он вот-вот пойдёт ко дну, мгновенно оставили его в покое, устремившись на поиски новой игрушки. И тут внизу, в тёмной и холодной глубине моря, где-то в мрачных придонных впадинах, куда редко заглядывает сам Оссе, внезапно родилось некое движение: вверх устремилась размытая тёмная тень, не имевшая чётких очертаний. Волны в ужасе шарахнулись от неё, поспешно уступая дорогу. Тень на миг замерла прямо под идущим вниз телом несчастного — и тотчас же растворилась, исчезла, словно её тут никогда и не было. Однако появление её не осталось без последствий. Раскинув руки, тело начало медленно подниматься из глубины вод. И едва на поверхности появилось бледное, уже заострившееся, словно в посмертии, лицо, как с запада примчал ещё один, новый вал, легко подхвативший ничтожную капельку живой плоти, что оскверняла свободную стихию моря, и брезгливо, точно мусорщик падаль, погнал к берегу. Швырнул в нерастроченной злобе на песок — и отступил, весь в белой пенной крови.

Некоторое время тело оставалось недвижимым. Потом с хриплым выдохом-проклятием спасшийся приподнялся на локтях — изо рта тотчас хлынула вода. Застонав, он вновь рухнул; однако миг спустя поднял голову, словно встревожившись. И верно — с запада, поднимаясь всё выше и выше, катилась исполинская зеленоватая волна, которую издали можно было принять за облачённого в доспех воина, с пенным плюмажем на шлеме.

Взор человека вспыхнул. Судорожным рывком он вскочил на ноги, нелепым подпрыгивающим бегом устремившись прочь от ненавистного моря. Перевалил за гребень песчаной дюны и рухнул, скатившись в неглубокую, поросшую мягкой травой впадину.

Зелёная волна на горизонте разочарованно разгладилась.

Спасшийся постепенно приходил в себя. Силы мало-помалу возвращались к нему; несмотря на царивший вокруг холод поздней осени и собственную наготу, человек, казалось, совсем не мёрз. Он медленно сел; мозолистые, крепкие ладони бывалого воина и морехода обхватили голову. Человек словно бы пытался вспомнить нечто очень важное, пытался — и не мог.

— Не помню... — прошептали посиневшие губы. — Ничего не помню... Имя? Нет... Слова... одни только слова...

Стояло звонкое и жаркое лето.

По узкой лесной тропке ехал всадник — горбун в немудрёной чёрной одежде. Ему то и дело приходилось низко нагибать голову, кланяясь протянувшимся поперёк тропы ветвям. В правой руке он сжимал обнажённый меч; лезвие покрывала какая-то зеленоватая слизь. Капли медленно катились по ложбинке кровостока к опущенному острию и падали наземь.

Меж деревьями открылся просвет. Перед всадником расстился роскошный луг, а в дальнем конце его над зелёным разнотравьем медленно поднималась зыбкая серая тень.

— Всё как и рассказывали, — прошептал всадник. Конь захрапел, не слушаясь повода; наездник спешил. Привязал коня, поправил меч и двинулся вперёд. Зыбкая тень уже успела сложиться в чудовищное подобие самого пришельца; длинный меч вытянулся едва ли не на шесть футов.

— Я не отступлю, — холодно и скрипуче проговорил горбун, обращаясь к фигуре. — Я и так уложил многих твоих собратьев, не миновать того же и тебе!..

Подняв клинок, горбун спокойно шагнул навстречу призраку, за спиной которого маячило разверстое устье пещеры...

... А когда горбун Санделло возвращался назад, лицо его, костистое, исчерченное морщинами, казалось, светится от счастья.

ГЛАВА 1

Июнь, 3, Хорнбург, Роханская марка

Усталое войско возвращалось домой. Позади остались привольные степи; Белые горы, поднявшись, закрыли полнеба. Миновав Врата Рохана и перейдя Исену, ратники расположились на отдых в Хелмском ущелье.

Эти места совсем недавно вновь вернулись под твёрдую руку Эдораса. Минуло всего два года, как молодой король Эодрейд отчаянным натиском взял главный оплот закрепившихся в Вестфольде ховраров. Штурм тогда был тяжёлым, страшным, кровавым; если бы не помощь гномов, что вновь, во исполнение давней клятвы, ударили в спину защитникам крепости, Хорнбург бы устоял. После победы Эодрейд опустошил казну, остатками золота купив искусство Подгорного племени, и те за истекшее время сделали цитадель Холма совершенно неприступной.

Крепость стала опорой роханского наступления на запад. Та, двухлетней давности война провела по Исене закатный рубеж марки — кровью провела! — а теперь, после нынешнего похода, граница отодвинулась ещё дальше в степи, на три дня доброй скачки, как записано в грамотах «Вечного мира» с хазгами, ховрарами и дунландцами. Нынешний поход считался победоносным — во всяком случае, именно так повелел возглашать герольдам король Эодрейд.

Встречать войско вышло немало народа — почти все нынешние обитатели Вестфольда, все, кто остался за чертой Сбора. Женщины, старики да ребятишки — мужчин забрала война, а подростки в это время несли охранную службу на границах. Несмотря на военное лихолетье, встречу воинам подготовили пышную — на зелёном ковре долины ждали накрытые столы. Старики качали головами — мол, не те яства, что раньше, куда как не те; но Рохан только-только начал оправляться от истребительного кошмара Исенской дуги,

и на глаза воинов навёртывались слёзы — они-то знали, чего стоило их жёнам собрать угощение...

Но праздник начинался с иного. Торжественным маршем один за другим в крепость входили роханские полки.

— Скажи мне, скажи, когда будет Холбутла! — теребила старшую сестру совсем юная девчушка лет четырнадцати, с длинной золотистой косой. — Скажи, ну скажи, а?!

— Да зачем тебе это? — поджала губы та. — Он на тебя и смотреть-то не станет! Даром ты по нему сохнешь, глупая!

Вокруг засмеялись.

— Сама ты глупая! Знаю, Фалда своего ждёшь не дождёшься! Не терпится?.. — тотчас огрызнулась младшая. — А мне уже про мастера Холбутлу и спросить нельзя!

Смех усиливался.

— Ишь, какая бойкая! Самого маленького выбирает! Чтоб, значит, удобнее было... (послышалось двусмысленное хихиканье). А не рано ли тебе, красотка? Подросла бы сначала, а?

— Маленького, да удаленького! — ухмыльнувшись, প্রশамкал беззубый дед. Годы согнули его спину, но не стёрли с лица многочисленных шрамов — этот бывалый воин стоял в своё время на Исене... — Он у короля Эодрейда мало не лучший!

— Вот и я говорю, — подхватила какая-то женщина, — Эовин всегда о героях мечтала!

Но смутить девушку оказалось не так-то просто.

— О ком хочю, о том и мечтаю, и спрашивать ни у кого не стану! — сердито выпалила она, резко откидывая назад тяжёлую косу. — А Холбутла — герой, это все знают! Мама мне про него рассказывала — он ещё на Исенской дуге отличился! И в Эдорас первым ворвался!

— Верно, верно, — кивнул старик. — Храбрости он непомерной! И откуда только берётся... Так взглянешь — одним взмахом зашибёшь! Ан не тут-то и было...

— А говорят, у сородичей его, которых гондорцы «половинчиками» зовут, своё волшебство имеется, говорят, они исчезать умеют, а ещё такое заклятье знают, что стрелы у них завсегда в цель летят! — затараторила женщина.

— Будет болтать-то! — неодобрительно покачал головой дед. — Тоже выдумала — волшебство какое-то! Нет в них никакого волшебства и никогда не было. А разговоры все эти пошли, потому как лучше мастера Холбутлы и впрямь никто

стрелы бросать не умеет!.. Э... э, погодите, балаболки! Эовин! Ты спрашивала — вот он, твой Холбутла!

В широко распахнутые ворота Хорнбурга входил бравым шагом полк пеших лучников. Война безжалостно проредила их строй, во всём полку осталось не более трёх сотен воинов. Маршировали они тем не менее бодро, а впереди всех нешироко, но быстро шагал низкорослый командир. Несмотря на жару, он не расстался ни со шлемом, ни с доспехами — похоже, для него они превратились в подобие второй кожи. На широком поясе воина висел недлинный меч, по обычным людским меркам — просто кинжал, лишь более широкий. За спиной начальника стрелков виднелся колчан со странным, белого цвета луком. Оружие это уже успело прославиться от Пригорья до Исены, от Эдораса до Мордора — знаменитый лук Холбутлы, из которого он попадал в брошенную изо всех сил вверх монету или пробивал птичий глаз в полной темноте.

За командиром Холбутлой двигались шеренги воинов — по шести в ряд. Полк снискал большую славу: благодаря меткости его стрелков роханская армия смогла с налёту взять сильно укрепленный Тарбад — важнейший южный оплот захвативших Арнор истерлингов. Ни один из защитников не смог высунуться из бойницы: воздух заполнила колючая свистящая туча, и, касаясь тел, она волшебным образом обращивалась торчащими из окровавленной плоти простыми деревянными древками. Казалось невозможным, что смертные, не эльфы, могут стрелять так быстро и метко, но все знали, что мастер Холбутла не даром ест свой хлеб и не зря гоняет новобранцев до седьмого пота. В полку были собраны лучшие стрелки роханских земель, они могли запросто остановить любую атаку. В тяжёлой Тарбадской битве, когда удача отвернулась от Эодрейда, полк Холбутлы уперся насмерть, перекрыв дорогу уже набравшей разбег истерлингской коннице, защитив оголённый бок войска, и продержался до тех пор, пока не подоспел хирд Дори Славного... Полк стоял по колено в крови, а перед его строем громоздился скользкий вал из конских и человеческих тел, весь утыканный длинными серооперёнными стрелами роханских удальцов... Об этом знали, и об этом помнили.

Полк мастера Холбутлы миновал ворота крепости. Там, на зелёной траве Хелмского ущелья, толпились те, кто пришёл встретить ратников. Все кричали разом — кто-то наде-

ялся увидеть в строю родное лицо, выкликая по имени мужа, брата или сына, кто-то просто орал «Наши!» или «Победа!»; визжали и вопили дети.

— Мастер Холбутла-а! — подпрыгивая, закричала девчонка со звонким именем Эовин, названная так в честь знаменитой девы-воительницы, сокрушившей вдвоём с далёким предком мастера Холбутлы самого Короля-Призрака на Пелленорских полях.

Низенький командир лучников услышал переливающийся серебром голос девушки и, улыбаясь, повернулся. Когда-то он, верно, был румян, круглощёк и русоволос; а теперь почти все волосы стали снежно-белыми от ранней седины, щёки ввалились, над переносицей пролёг застарелый шрам. Серые глаза потеплели; давно застывший в них холод, свойственный бывалым воинам, на время отступил.

— Привет и спасибо за встречу! — крикнул в ответ командир лучников.

— Слышала?! Слышала?! Он ответил мне! А ты говорила — и не посмотрит! — Эовин показала язык недовольно отвернувшейся старшей сестре. — Спорим, что я станцую с ним после сегодняшнего пира!

— Совсем в уме повредилась девка, — лицемерно вздохнула женщина рядом, та самая, что утверждала, будто сородичи Холбутлы владеют магией, но её желчь пропала даром — дерзкая девчонка скорчила ей рожу и ловко, точно ящерка, скользнула прочь сквозь толпу.

За полком лучников шла тяжёлая панцирная пехота. Её с большим трудом возродили в Рохане совсем недавно, переняв часть у гномов, а часть у истерлингов; Вестфольд, чья фаланга каменной плотиной запирала путь бурному полководью ангарцев и истерлингов на Исенской дуге, лишился в том кошмаре всех до единого бойцов.

Пеший полк был почти вдвое многочисленнее стрелков и возглавлялся двумя тоже невысокими, но очень широкоплечими воинами. Ростом они были по плечо роханцам, зато руки их толщиной и силой могли соперничать с медвежьими лапами.

— Гляди, гляди — гномы! — зашумели в толпе.

— Что, те самые? Рыцари Торин и Строри?

— Разуй глаза, кибитка! Кто ж ещё? Кто у короля полками панцирников командует? Эге-гей! Тангарам преславным — привет!

Один из командиров-гномов на ходу повернулся к крикнувшему.

— И тебе привет тоже! — гаркнул он так, что у всех без исключения заложило уши. — Ну как, всё тут у вас готово? Пива наварили?

— Наварили, наварили! — отозвался целый хор голосов. — Будет чем жажду утолить!

— Вот и славно! — заметно оживился второй гном, понижая ростом. — У меня горло ну прям-таки совсем пересохло! Если на мою долю меньше полновесной бочки достанется — обижусь смертельно!

И воины, и встречавший люд захохотали.

— Да там и пять бочек на брата будет, и шесть даже! — крикнул кто-то.

— О! — Маленький гном вскинул руку. Латную рукавицу он так и не снял. — А я-то боялся — ну как не хватит? — закончил он с уморительно-серьёзным видом.

Последним, по недавней роханской традиции, в крепость въехал король Эодрейд. Победоносного правителя, вернувшего почти все роханские земли, встретили дружными восторженными криками. Миновав ворота, король натянул поводья и привстал в стременах.

— Спасибо вам за ожидание и встречу! — крикнул он. В наступившей тишине его голос достигал самых дальних уголков ущелья. — Мы победили! Правый берег Исены вновь наш, и с западного рубежа наших владений вновь видно море! Недалёк тот день, когда мы вновь будем владеть всем, чем владели наши предки, чем владел великий Тенгел Трижды Прославленный! А пока давайте отдыхать и радоваться! Пусть сегодня здесь будет настоящий праздник!..

Торжество и в самом деле удалось на славу. Король, его юные сыновья и дочь, все маршалы марки, военачальники полков, вся знать были в эту ночь с теми, кто мечом или плугом приближал победу. Эодрейд, хлебнувший лиха в страшную осень 23-го, не чурался незнатного люда — и, кстати говоря, никогда не употреблял слов «чёрнь» или «простонародье»...

Правда, потом, когда над Хелмским ущельем щедро вывездилось высокое летнее небо, правитель Рохана всё же собрал «ближний круг» в высокой башне Хорнбурга, в том самом покое, где стоял, глядя на сражение, сам великий Теоден. Стол накрыли на десятерых — король, его маршалы

и военачальники. Их осталось немного — нынешняя армия Рохана не в пример меньше той, что насмерть стояла на Андуине и Исене...

Нет нужды говорить, что Фолко, сын Хэмфаста, более известный в Рохане как мастер Холбутла, и друзья гномы Торин, сын Дарта, и Стори, сын Балина, по прозвищу Маленький Гном, были в числе приглашённых.

Былому «хоббиту не от мира сего», книжному червю, что изобретал тысячу и один способ отвертеться от прополки репы или окучивания картошки, в этом году исполнялось тридцать восемь лет — для народа невысокликов лишь самое начало зрелости. Правда, глядя на него нынешнего, никто из сородичей не дал бы ему меньше пятидесяти. Война на Западе полыхала уже без малого десять лет, то призатухая, то вновь охватывая истребительным пожаром все земли от Белых гор до Голубых, и, увы, оставляла свои следы и на лице Фолко.

Однако кое-что и не изменилось, например, мифрильный доспех или, главное, таинственный клинок Отрины с украшенным голубыми цветами лезвием, клинок, что оборвал земной путь Олмера, Короля-без-Королевства. Фолко не расставался с оружием ни днём ни ночью. За десять лет износились, истёрлись кожаные ремешки ножен, и Малыш по просьбе хоббита выковал тонкие, но очень прочные цепочки, на которых теперь и висел кинжал.

Гномы изменились меньше: их раса отличается долголетием, двести пятьдесят лет для них — тот возраст, когда ещё выходят на бранное поле и крепко держат топор.

— Эй, Малыш, сколько можно копаться?! — выходил из себя Торин, уже стоя у двери. — Опаздываем! Невместно нам приходить позже остальных! Ты не девчонка, чтобы прихорашиваться перед зеркалом! Надевай что ни есть, и айда!

— Оставь ты его, Торин, — невозмутимо заметил хоббит, закалывая фибулой нарядный плащ. Поневоле пришлось обзавестись изрядным гардеробом — король Эодрейд очень хотел, чтобы его двор выглядел попышнее и попраздничнее, и понятно — люди устали от войны и ждали простых радостей вроде нынешнего праздника.

Разумеется, давно прошло время, когда друзья со священным трепетом входили в общество сильных мира сего. Ныне они сами стали сильными. Не они искали службы, а служба искала их. Умный и дальновидный Терлинг, правитель Но-

вого королевства, которое роханцы по привычке называли Арнором, звал всю троицу к себе, предлагая высшие посты в своей армии, после того как ополчение Хоббитании под командованием Фолко Брендибэка, сына Хэмфаста, и его спутников-гномов наголову разгромило вторгшуюся орочью орду в 26-м. Этчелион, герцог захваченного истерлингами и харадримами Итилиэна, едва не посадил всю троицу под замок, узнав, что они намереваются оставить его отряд. Правитель беорнингов предлагал лучшие лены в его владениях, если Фолко и гномы согласятся стать военачальниками в этом королевстве... Друзья привыкли. За прошедшие годы они не раз вступали в армии Рохана, Гондора, Беорнингов, сражались за Хоббитанию, но всякий раз уходили после того, как победа была достигнута, не отказываясь от почестей, но отвергая попытки навсегда оставить их в тех краях. Эдрейд понял это первым и не навязывал друзьям свою волю. Потому-то Фолко, Торин и Малыш чаще всего оказывались именно в рядах роханского войска... А впереди них уже летело рождённое военным лихолетьем поверье: «Там, где невысоклик, Гном Большой и Гном Маленький, — быть победе!»

Прошли давно и те времена, когда друзья сражались простыми ратниками в рядах полков, гадая, что сделают назавтра командиры и правители. Теперь они сами сделались командирами. Повинуясь их приказам, шли в атаки сотни людей. Война — лучший, хоть и жестокий учитель; она вышколила Фолко, превратив из мирного, чуть хвастливого и несколько наивного хоббита в опытного, бывалого командира, — случай для его сородичей совершенно небывалый. К тому моменту, как судьба вывела его на стены Серых Гаваней, преображение уже почти завершилось. Десять последующих лет он набирался опыта, поднимаясь всё выше в тех армиях, куда посылала его совесть. Он не стал наёмником, солдатом удачи — нет, он воевал за то, чтобы Запад вновь стал бы прежним. В Рохане это почти удалось сделать, и Гондор уже восемь лет как вернул себе Минас-Тирит; дело теперь за Арнором, и Фолко верил, что придёт день, когда над башнями Аннунимаса вновь взвьётся бело-синее знамя — знамя, под которым он впервые пошёл в бой. Хоббит понимал, что мир никогда уже не станет таким же, как встарь — исчезли Гавани, пал Кэрдан Корабел, — но не воевать за то, чтобы вернуть к жизни хотя бы призрак кажущегося сейчас таким прекрасным прошлого, он не мог.